

# Физрук 2



Назад в СССР

**Валерий Гуров**  
**Рафаэль Дамиров**  
**Физрук 2: Назад в СССР**  
**Серия «Физрук», книга 2**

*Текст предоставлен правообладателем*  
[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=70247113](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70247113)

### **Аннотация**

Я был успешным предпринимателем, но погиб от рук конкурентов. Судьба подкинула подлянку – я не отправился «на покой», а попал в прошлое. Душа вселилась в выпускника пединститута. На дворе 1980 год, а я простой физрук в советской школе, который должен отработать целых три года по распределению.

Биологичка положила на меня глаз, завуч решила сжить со свету, а директор-фронтовик повесил на меня классное руководство. Где я и где педагогика?! Ничего, прорвемся...

Вот только класс мне достался экспериментальный – из хулиганов и второгодников, а на носу городская спартакиада. Как из малолетних мерзавцев сколотить команду?

# Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	29
Глава 4	42
Глава 5	54
Глава 6	68
Глава 7	81
Конец ознакомительного фрагмента.	82

# Валерий Гуров, Рафаэль Дамиров Физрук 2: Назад в СССР

## Глава 1

Я бросился на крик, военрук и вся толпа пацанов – тоже. Кричала одна из пионерок. Она тыкала пальцем куда-то перед собой и повторяла:

– Змея-змея-змея!

В пожухлой осенней траве и впрямь извивалось, что-то черное и длинное. Все оцепенели, но вдруг рыжий сын милицейского старшины метнулся, схватил рептилию за голову и выхватил из травы.

– Эх ты, дура, – сказал пацан. – Это же уж, он не кусается!

– Убей эту гадину! – истерично выкрикнула девчонка.

– Сама ты гадина, – пробормотал Сенька. – Что он тебе сделал?

– Отнеси его подальше и отпусти, – велел я.

Рыжий посмотрел на меня с удивлением, но охотно побегал выполнять распоряжение.

– А здесь не опасно ставить лагерь? – осведомилась Серафима Терентьевна.

– Нет, – откликнулся Григорий Емельяныч. – Здесь змеи даже по весне и то редко встречаются, а сейчас им тем более не до нас, они готовятся к спячке.

– А как же этот уж?

– Случайный бродяга.

– Может, другое место подыщем? – спросила старшая пионервожатая, озираясь.

– Пока будем искать, стемнеет, – ответил Петров. – Да и где гарантия, что в другом месте будет лучше?..

Симочка покосилась на меня. Что я мог сказать? Я в змеях разбирался не больше истеричной пионерки. И все же молчать нельзя.

– Григорий Емельяныч прав, – с удивлением услышал я собственный голос. – Встанем здесь. Главное по кустам лишний раз не лазить.

Старшая пионервожатая кивнула.

– Ребята, – обратилась она к школярам, – ведите себя потише. В кусты – не лезьте. И вообще, осторожнее.

– Я к кустам близко не подойду! – пообещал девчонка, испугавшаяся ужа.

– А где же ты будешь пи-пи? – глумливо осведомился Доронин.

– И – ка-ка? – добавил Абрикосов.

Пацаны охотно заржали. И даже активистки пионерки захихикали. Ну да, обычное дело, всякому приятно поржать над ближним, лишь бы не сделаться посмешищем самому.

– Отставить смех! – рявкнул военрук. – Парни ставят палатки. Девочки – готовят ужин. Разойтись!

Отряд разбрелся, кто куда, принялся потрошить чехлы с палатками и доставать запасы продуктов. В установке палаток я кое-что понимал и потому взялся руководить парнями. А Симочка – девчонками. Я показал ребятам, что место для палаток надо выбирать повыше и посуше. И помог поглубже вбить колышки, к которым были привязаны растяжки. В общем, через полчаса палатки были поставлены, и наш небольшой лагерь приобрел вполне жилой вид.

За это время уже девчонки, под руководством старшей пионервожатой рассортировали продукты, которые захватили с собой участники похода. Были назначены дежурные, в том числе и парни. Их задача была принести из реки воды для готовки ужина и дрова для костра. С дровами вышла заминка. Росшие в окрестностях кусты и чахлые деревья для этого не годились. Нужно было совершить вылазку в ближайший лесок. Я вызвался возглавить экспедицию. Со мною решили пойти Доронин, Сидоров, Зимин, Макаров и Кривцов.

Последний был довольно тихим пацаном. В четверку лидеров класса он не входил. На занятиях по физкультуре старательно выполнял все упражнения, но не отличался особым рвением. Я считал его себе на уме. А тут сам захотел пойти по дрова. Мы захватили топор, ножовку и веревки для увязки хвороста. Выбрались из лоцины и побрели через зарос-

ший сухой травой пустырь к ближайшей чаще. По пути пацаны разговорились.

Им очень хотелось узнать побольше о карате. Это и понятно. В конце семидесятых, в начале восьмидесятых большинство советских пацанов бредило драчливыми японцами. Я принялся выкладывать все, что знал. Рассказал им о Брюсе Ли и они, само собой, загорелись идеей посмотреть хотя бы один фильм с его участием. Тут-то и удивил нас Кривцов. Невысокий, русоволосый, всегда опрятно одетый, с чистыми ногтями на руках – он производил впечатление парня из интеллигентной семьи. Как он попал в «экспериментальный» класс – непонятно.

Вообще, безобразие, конечно, что я почти ничего не знаю о своих подопечных. Тоже мне – классный руководитель. Надо бы поговорить с каждым, попытаться понять, как они докатились до жизни такой, чем увлекаются, о чем мечтают. Конечно, на это уйдет время, но иначе мне из них не сделать команды, причем – не только для выступления на спартакиаде. Надо бы побывать дома, поговорить с родителями. В конце концов, все это входит в обязанности классного руководителя. Да и самому пригодится, чтобы вот не возникало таких открытий, какое приподнес Кривцов.

– У меня есть видеомэгаффон, – сказал он. – И две кассеты с Брюсом Ли.

– Чё ж ты раньше молчал! – накинулись на него одноклассники. – Небось, смотришь там в одно рыло, прешься...

– Да нет! – отмахнулся паренек. – Я не очень люблю такое кино...

– А какое же ты любишь? – спросил я, покуда другие фыркали и плевались.

– Я люблю фильмы Феллини, Антониони, Бертолуччи, Орсона Уэллса...

Я с понтом кивнул, хотя слышал об этих режиссерах только краем уха. М-да, наладишь с таким контакт. Это же надо хоть по паре фильмов от каждого посмотреть. А где их сейчас посмотришь, когда нет даже видака, не говоря уже – об Интернете. Однако как-то надо было вытаскивать авторитет классного руководителя из трясины!

– Ты мог бы как-нибудь организовать просмотр для класса? – спросил я.

– Я не против, – откликнулся любитель Антониони. – Если вы с моей матерью договоритесь. – Он помолчал и добавил: – Да вы ее знаете, Александр Сергеевич, она заведует кафе для... избранных. Ее зовут Елизавета Ефимовна.

– А почему ты решил, что я ее знаю?

– Она рассказывала о вас... – ответил Кривцов. – Вы были на прошлой неделе на одном из банкетов, которую устроила какая-то завбазой...

Я покопался в памяти. Елизавета Ефимовна, Елизавета Ефимовна... Ах да! Лизонька – «хозяйюшка» элитного кабака!

– Хорошо, если сообщишь номер вашего телефона, я до-

говорюсь.

– Ух ты! – обрадовались пацаны, что прислушивались к нашему диалогу. – И чё, в натуре мы про этого каратеку кинцо позырим?.. А этот, Брюслин, круче нашего Талгата Нигматулина?

– Во-первых, не Брюслин, а Брюс Ли – он китаец, хотя имя у него шотландское, а во-вторых, что значит круче?.. Вот если бы на них в спарринге посмотреть... Только жаль, что уже не получится. Брюс Ли умер в тысяча девятьсот семьдесят третьем году...

– У-у, – протянул Зимин. – А чё так?

– Внезапный отек мозга... – ответил я. – Хотя поговаривали, что его убила мафия, но это неправда.

– Да ну на... – буркнул «Чапаев». – Наш Талгат – круче.

Спорить я не стал. И Брюс и Талгат – актеры, а в кино любые сцены постановочные. Да и зачем разочаровывать пацанов? Сам хорошо помню, как трудно было расставаться с кумирами детства.

– Сан Сергеич! – обратился ко мне Макаров. – А вы покажете какой-нибудь приемчик?

– Что, прямо здесь?

– Ну а чё?! – удивился тот. – Никто не видит, а мы все свои, не выдадим... Мы же понимаем, что не все можно показывать в школе... А вдруг хулиганье разное научится, а потом вам неприятности... А мы пацанчики тихие, воспитанные... Верно – Тимоха?..

Кривцов кивнул. В словах Макарова прозвучала издевка, но я не считал нужным на нее реагировать. Хотят приемчики увидеть – покажу.

– Вот сейчас до леса дойдем, – сказал я. – Там и увидите.

Лесок при ближайшем рассмотрении оказалсядохлым. Береза, ольха, осина. Многие стволы подгнили на корню, было много бурелома. В общем – самое подходящее место для сбора дров для костра и... завоевания дешевого авторитета у подростков. Подражая то ли Брюсу, то ли Талгату, с воплем «Киай», я снес пару довольно хилых стволов, потом ребром ладони разрубил на несколько частей пару толстых веток. У оболтусов, включая любителя артхаусного кино, снесло от восторга крышу, и они попытались повторить мои «подвиги» и поотшибали себе пятки и кисти рук. Наконец, я приказал им прекратить балаган и заняться делом.

Пацаны начали распиливать ножовкой более длинные ветки и вытаскивать их на пустырь, а я взялся за топор. Хворост сгорит быстро, для того, чтобы поддержать огонь хотя бы до полуночи, нужно что-то посущественнее. Я выбрал высокую, но сухую березу и принялся долбить по ней лезвием топора. Оно оказалось довольно тупым, поэтому пришлось повозиться. Тем не менее, вскоре береза со скрежетом накренилась и рухнула, сокрушая хилый подлесок.

Отрубив толстые сучья, я велел подопечным вытащить их, а сам взял ножовку и принялся распиливать ствол на две части, которые решил обязательно доставить в лагерь. Спра-

вившись с этим делом, я выволок половинки ствола на открытое место. Пока я там вошкался, пацаны уже связали пять вязанок хвороста. И ждали только меня. Я вонзил топор в комель, поставил обе половинки ствола на попа, присел и взвалил их на плечи. Даже для крепкого парня Сашка Данилова ноша оказалась весомой, но я чувствовал, что справлюсь.

Так мы пошли обратно к лагерю. Я топал, обливаясь потом, но все равно чувствуя себя Арнольдом Шварценеггером из какого-то фильма – то ли из «Коммандос», то ли из «Хищника». Жаль, что ни пацаны, ни девчонки в лагере, ни Симочка не имеют возможности сравнить меня с ним. Они увидят эти фильмы лет через восемь-десять. Ну может – хоть с «Финистом – ясным соколом» сравнят? И то – хлеб! Увы, эффектное появление в лагере с двумя чурбанами на плечах не получилось.

Тропинка, которая спускалась в лощину, оказалась довольно крутой. Пришлось сначала побросать бревна вниз, а потом по одному подтащить их к костру. Впрочем, похвал я удостоился. Серафима Терентьевна обрадовалась появлению бревен, сказав, что теперь есть на чем сидеть возле костра. Выяснилось, что пока мы добывали дрова, дежурные уже успели сварить здоровенный котелок пшенной каши из концентрата и вбухать в нее пару банок тушенки. На закуску пошла разная домашняя снедь, которой заботливые родители снабдили своих чад на дорогу.

Ее выложили на развернутой газете, откуда каждый мог взять то, что ему нравится. Вопреки завареным во втором котелке. В общем, когда последние отблески заката погасли среди ночных облаков, ужин был завершен. Дежурные отправились отмывать в холодной речной воде с песочком посуду. А остальная команда осталась у огня. Наступала романтическая минута, ради которой Симочка и захватила из дому гитару.

Я знал, что мне не избежать этой участи и морально был готов. Сегодня мне не хотелось аккомпанировать военруку. К счастью, покопавшись в памяти, я извлек из нее несколько песенок, которые, оказывается, знал наизусть. Взяв гитару, я задумчиво побренчал, прислушиваясь к собственному настроению. Трещали дрова в костре. Отблески пламени легли на речную гладь и отражались в зрачках ребят, которые словно лесные звереныши, зачарованные огнем, собрались вокруг.

*«Снова идет ночь над горами сонными, в дымке костра светят глаза ребят, ветер затих вместе с последней песней, видно ушел где-то искать тебя...»* – хорошо зашла туристическая песенка из фильма «А зори здесь тихие». Девчонки, во всяком случае, подпевали. Старшая пионервожатая – тоже. Дальше, по настроению я спел: *«Собраны крылья палаток, их кончен полет, крылья расправил искатель разлук самолет...»*. Потом, по свободной ассоциации души: *«Призрачно все, в этом мире бушующем...»*

Не уверен, что эти туристические баллады я извлек из своей собственной памяти, а не – из Шуриковой. Ведь еще неизвестно, что такое душа и где она помещается. Во всяком случае, за воспоминания отвечает головной мозг, и теперь все равно уже не разберешь, что в нем от двадцатидвухлетнего Александра Сергеевича, а что – от Владимира Юрьевича, которому за пятьдесят. Как бы там ни было, женскую часть нашей туристической команды я покорил. К сожалению, то, чем я мог бы порадовать мужскую, при девочках исполнять нельзя.

Этим и решил воспользоваться Петров. Он вежливо попросил у меня гитару и, подражая хрипотце Высоцкого, начал пичкать компанию его же творчеством. При этом чисто музыкальная сторона исполнения оставляла желать лучшего, но бодрые рифмованные прибаутки, недавно скончавшегося барда и актера цепляли аудиторию вне зависимости от того, разбиралась ли она в музыке или поэзии: *«Вы мне не поверите и просто не поймете, в космосе страшней, чем даже в Дантовом аду, по пространству-времени мы прем на звездолете, как с горы – на собственном заду...»*

*«От Земли до Беты восемь дён, ну а до планеты Эпсилон не считаем мы, чтоб не сойти с ума...»* – драли глотки пацаны, повторяя припев, а исполнитель сиял так, словно это он сочинил сии разухабистые строчки. На этом вечер советской песни следовало считать законченным, потому что уже совсем стемнело, и личному составу пора было отды-

хать. Когда возмущенную объявленным отбоем толпу школяров обоего пола удалось разогнать по палаткам, военрук подошел ко мне и предложил дежурить ночью по очереди. Он вызвался сторожить с отбоя до четырех. Следовательно, мне выпадало время с четырех утра до подъема в восемь.

Я не стал спорить. Мои часы «Слава» показывали начало десятого, позволяя мне не только оценить благородство товарища Петрова, но и выспаться. Я сходил к реке, умылся, почистил зубы и отправился в палатку, которую должен был делить с военруком. Серафима Терентьевна тоже ушла к себе, это я хорошо видел. Следовательно, можно было не беспокоиться о том, что оставляю свою девушку наедине с соперником. В лагере угомонились нескоро. Пожалуй, я уснул даже раньше, чем затихли бубнящие голоса.

А проснулся от того, что кто-то разговаривал. Негромко, но в ночной тишине я отчетливо слышал каждое слово. Напрасно я рассчитывал на то, что эфемерные брезентовые стенки отгородят мою избранницу от назойливого ухажера. В первое мгновение хотелось выскочить и разобраться, но разговор шел обо мне, и я решил сначала дослушать, что о моей скромной персоне думают коллеги и уж потом вмешаться. Вот ведь как бывает! Ты живешь с иллюзией, что твое представление об окружающих тебя людях соответствует действительности, а потом однажды просыпаешься и иллюзии развеиваются.

– По-моему, он неплохой парень, – пробубнил Григорий

Емельянович. – Да, однажды он мне врезал, а потом просто увернулся, и я приложился к забору мордой... То есть – лицом. У него действительно неплохая подготовка, причем – не только по самбо... Знаешь, у меня такое странное ощущение, что он не так прост, как кажется.

– В каком смысле? – удивилась Серафима Терентьевна.

– Такое ощущение, что он служил то ли в армии, то ли в милиции, но в личном деле об этом – ни слова.

– Как интересно! – ахнула старшая пионервожатая.

– Ничего интересного, – отмахнулся военрук. – Вполне возможно, что в нашем городе он появился неспроста.

– Ой, ты думаешь – он шпион?!

– Глупости! – фыркнул Петров. – Что делать шпиону в нашем городишке?.. Нет, здесь что-то другое...

– Что – другое?!

– Ты же сама утверждаешь, что он обезвредил трех хулиганов, один из которых был вооружен.

– Ага, он их так красиво сбил с ног, всех троих!

– Вот-вот, думаешь – это случайно?

– Не знаю...

– А потом сержант говорит, что физрук совершил еще один мужественный поступок, но какой именно – разглашению не подлежит... Какой из этого следует вывод?

– Какой?

– Этот простоватый с виду паренек находится в Литейске по специальному заданию... Разумеется, нам об этом не сле-

дует знать, а тем более – обсуждать это.

– Ты же знаешь, милый, я не из болтливых...

«Милый»?.. Дальнейшая их болтовня мне стала не интересна. Пусть думают, что хотят. И пусть сами играют, в свои интимные игры. Выходит, все эти *«Григорий Емельяныч, я на помощь позову...»*, *«Он хотел, чтобы я стала его женой, только без ЗАГСа...»* – не более, чем театр одного зрителя? И этот зритель лежит сейчас в палатке, подслушивает чужой разговор и чувствует себя полным идиотом.

– Ой! – пискнула Симочка. – Я боюсь!

## Глава 2

- Чего ты боишься?
- Там, на реке... плывет что-то... черное...
- Это крокодил.
- Ты еще смеешься?!
- Да бревно это... топляк...
- А-а, ну ладно... пойду я спать... Замерзла...
- Иди, я еще подежурю...

Раздался чмокающий звук. Я повернулся на другой бок, натянул на голову капюшон спальника. И заснул. Военрук разбудил меня в четыре утра. Зевая и почесываясь, я выбрался из относительно теплой палатки. Было еще темно. Над водой скапливался туман. Я сбегал в кусты, потом спустился к реке, смыл ледяной водичкой сонную одурь. Вернулся к костру. Подкинул дровишек. Хворост уже закончился, пришлось сунуть в огонь конец одного из бревен.

Ночной разговор, который я подслушал, оставил в моей душе смутное ощущение. Не то что бы меня сильно разочаровала Серафима Терентьевна. Обычное женское кокетство, желание чтобы вокруг крутились мужики, ссорились из-за нее и дрались. Глупо, но понятно. Петрова мне было даже жаль. Ведь не факт, что старшая пионервожатая на нем остановится. Скорее всего подыщет еще одного дурачка для своих манипуляций. Что касается меня, то я имею полное право

махнуть на нее и ее ухажера рукой.

Теперь я опять свободен. Конечно, я и раньше ничего не обещал Симочке, просто полагал, что она считает меня своим парнем, ну и она мне нравилась. Ошибся! Бывает. С женщинами самое главное – не забывать, что вокруг есть много других женщин. Теперь я с чистой душой могу начать ухаживать за Илгой. И вообще, мне есть чем заняться. Во всяком случае, свои новые жизненные приоритеты я, кажется, определил. Осваивать заковыристую науку педагогику. Готовить команду самбистов к весенней спартакиаде. А что касается личной жизни, то от такого бабника, как я, она и так никуда не денется.

Когда рассвело я взял ведра, сходил к реке, набрал воды, дал ей отстояться, а потом наполнил оба котелка и нагрел. Теперь отряду будет теплая водичка, умыться и зубы почистить. Первой проснулась старшая пионервожатая. Увидев горячую воду в котелке, она обрадовалась, как ребенок. Ее щебет разбудил девчонок, которым предстояло готовить завтрак. Они тоже обрадовались горячей воде. И тоже принялись щебетать, по-детски кокетливо постреливая в мою сторону глазками.

Благословенной тишины ночи, которая нарушалась лишь плеском прибрежной речной волны, да уханьем филина где-то на противоположном берегу, как ни бывало. Из нашей с ним палатки, зевая вылез военрук и тут же заорал:

– Рота подъем!

Не сразу, но в палатках началось движение. Ругань, чих, звуки отвешиваемых подзатыльников. Школярам вставать не хотелось, но естественные надобности поневоле выгоняли их наружу. Петров лично заглянул в каждую палатку и вытащил тех, кто еще готов был потерпеть, лишь бы ухватить лишнюю минутку сна. Я хорошо понимал этих хитрецов, ибо и сам придавил бы минуток сто двадцать. Увы, я был учителем физкультуры и поэтому, когда основная часть отряда оросила окрестные заросли, скомандовал:

– На зарядку, стано-овись!

Нет, что ни говори, хороша штука привычка подчиняться. И мои оболтусы, и Симочкины активистки построились. Причем – именно для зарядки. Ну а дальше, как положено. На месте шагом марш. Ноги на ширине плеч, руки над головой, наклоны корпусом вправо и влево. Наклоны вперед. Кончиками пальцев рук касаемся пальцев ног. Приседаем. Подействовало. Повеселели. А от костра уже тянуло вкусным дымком. Суп из пакетиков. Со звездочками. Как я его любил в детстве, куда больше, чем материнские борщи. Дурак.

После завтрака принялись сворачивать лагерь. Поход продолжался. Упаковав пожитки в полегчавшие рюкзаки, мы покинули лощину и двинулись в сторону маячивших вдали возвышенностей. Признаться, понятия не имел, что в этих краях имеются горы. Хотя горы, наверное, сильно сказано. Холмы, увенчанные скальными останцами, но все рав-

но – интересно. Почва стала каменистой, под ноги то и дело подворачивались языки щебня – последние следы древних оползней.

Я в геологии не шарю, но даже мне стало понятно, что здесь когда-то высились отроги горного хребта, ныне стертого выветриванием, как зубы старого мерина. Хотя, судя по ржавеющим среди камней железкам, к разрушению оно приложили усилия и люди. Ведь то, что ветер, дожди и время совершают в течение миллионов лет, люди проделывают за пару столетий. Мои догадки вскоре получили подтверждение. Когда солнце поднялось достаточно высоко, чтобы подсушить потные затылки, наш проводник, Григорий Емельянович, объявил привал.

Отряд с радостью покидал рюкзаки и повалился в траву. Кто-то принялся сосать чай из термосов или воду из фляжек, кто-то намылился покемарить. А военрук решил блеснуть эрудицией. Он уселся на валун, чтобы его могли видеть и слышать все. Мне его не хотелось ни видеть, ни слышать. Достаточно было и того, что придется провести единственный выходной в компании его и старшей пионервожатой, а также – наших общих подопечных.

Петров был иного мнения. Он намеревался просветить присутствующих о промышленной истории края. Начал с казака Сермяжки и немецкого геолога Шлехтера, о которых я уже слышал от местного литературного классика Третьяковского. По словам военрука, они высадились примерно

в том же месте, где мы ночевали. Немец предположил, что в этих краях может обнаружиться железная руда, и по приказу главара ватаги, взяв с собой несколько лихих рубак, отправился в Каменный Лог, где впоследствии и началась добыча.

Шлехтер и впрямь нашел несколько образцов, которые, по его мнению, заслуживали внимания, но сопровождающие его казаки решили, что он нашел золото и решил скрыть от них. Они схватили немца, связали его и принялись пытать. Беда несчастного иностранца заключалась в том, что он плохо говорил по-русски и всего его попытки объяснить, что золота здесь нет, воспринимались его мучителями как отговорки. Спас Шлехтера сам Сермяжка.

Обеспокоенный тем, что посланные на вылазку люди долго не возвращаются, он лично отправился на поиски, захватив с собой только своего верного оруженосца. Главарь ватаги прибыл вовремя. Он приказал отпустить немца и допросил его сам, но уже без пыток, а наоборот – отпаивая вином. Шлехтеру он поверил, тем более что ему нужны были пушки, а немец не только в рудах разбирался, но и в литейном деле. Мучителям иноземца он приказал таскать для него камни, чтобы тот мог определить, есть в них железо, а также велел ставить плавильню.

На работу казаки собрали местных жителей. По национальности они были мордвинами, работать на чужаков не хотели, но хитрый Сермяжка соблазнил их платой. В его казне было много медных денег, изъятых во время грабежа татар-

ских мурз. Он приказал своим присным начищать монеты до блеска, и простодушные аборигены принимали их за золотые ефимки. И работа закипела. Оклемавшийся от истязаний Шлехтер придумал, как поставить на реке водяное колесо, которое через систему блоков и шкивов спускало с горы корзины с рудой к плавильне, поставленной на берегу.

Работа началась весной, а к осени пушки были отлиты, и ватага Сермяжки продолжила путь, чтобы воссоединиться с войском Степана Разина. Плавильня и канатная дорога какое-то время еще стояли на берегу Проныры, а потом были разобраны и растащены по окрестным становищам. Лишь в первой половине XVIII века сюда пришли рудознатцы, отправленные купцами Демидовыми. Они сочли месторождение пригодным к разработке. Так в Каменном Логу появились первые штольни, где добычей руды занимались каторжники, военнопленные и пойманные беглые крепостные.

При горных разработках был построен город Литейск, который до революции назывался Рудник-на-Проныре. Само месторождение в Каменном Логу постепенно было заброшено, ведь руду к заводу приходилось возить на баржах, которые таскали бурлаки, а это было недешево. Тем более, что в начале XX века, вблизи города, было заново открыто месторождение железной руды, обнаруженное за сто лет до этого маркшейдером Рунге, предка школьного преподавателя немецкого языка. Однако промышленная разработка этого месторождения началась только после революции.

Закончив свою лекцию, Григорий Емельянович спросил:

– Вопросы есть?

– Есть! – пробасил Доронин.

– Ну задавай!

– А немец этот, Шлехтер, золотишко все-таки заныкал или как?

– Не было тут никогда золота, – ответил военрук.

– Значит – заныкал! – сделал вывод «Чапаев» и подмигнул своим дружанам, те понимающе закивали.

– А можно посмотреть на эту шахту? – спросила одна из девчушек.

– Можно, – ответил Петров. – Мы туда и идем... Только предупреждаю сразу. В штреки не соваться. Крепь давно сгнила. От малейшего шороха кровля может обрушиться. Всем понятно?

– Все-ем! – нестройно ответили школяры.

– Тогда встаем и в путь. До вечера мы должны вернуться в город.

Пионеры начали нехотя подниматься. Григорий Емельянович подошел к нам с Серафимой Терентьевной.

– Теперь, коллеги, смотрите в оба, – сказал он. – Особенно, когда подойдем к главной штольне. Она широкая и ребятам трудно будет удержаться от соблазна обследовать ее. И если кто-нибудь из них шмыгнет в один из боковых штреков, придется вызывать горных спасателей.

– Так давайте просто туда не пойдем! – предложила, явно

испугавшаяся старшая пионервожатая.

– Это не выход, – покачал головой Петров. – Если мы сейчас повернем назад, в следующее воскресенье некоторые из них, наверняка, приедут сюда по самоволке. Нет, лучше мы им сами покажем, что ничего особенного в старой выработке нет – пыль, темнота и теснота. Основная шахта много раз обследована и признана безопасной для туристов. Главное никуда не сворачивать.

– Я думаю, что если мы пойдем внутрь, надо сделать общую обвязку, как это делают спелеологи, – сказал я. – В начале обвязки пойдете вы, Григорий Емельянович, в середине – вы, Серафима Терентьевна. Я – замыкающим.

– Дельное предложение, – одобрил военрук. – Тем более, что спелеологическая веревка у меня есть. Сто метров, думаю, хватит за глаза.

– И все-таки я боюсь, – пробормотала Симочка.

– Бояться не надо, – ответил Григорий Емельянович. – Тем более – показывать свой страх детям. Глубже, чем на сто метров, мы все равно не спустимся.

– Почему ее никто не закопает, это шахту?!

– Ее больше ста лет копали, – ответил Петров. – Породу растаскивали по окрестностям, а не сваливали в терриконы, как это делают сейчас.

– А почему – не взорвут? – спросил я.

– Рискованно, можно нарушить стабильность коренных пород и вызвать землетрясение, – ответил военрук. – Весь пра-

вый берег может рухнуть, в нем полно пустот.

– Понятно... Фонари есть?

– Есть, – кивнул военрук. – Иначе я бы не повел нас по этому маршруту... Пойдемте уже, товарищи. Солнце высоко.

Идти пришлось еще около километра. Теперь повсюду встречали кучи щебня, сверкающего на солнце чешуйками слюды. Пацаны поначалу бросались к ним, словно это были груды самородков, но вскоре им это надоело. Я понял, что этот щебень и есть отвалы выбранной в горе породы. Попадались нам черные дыры, выкопанные прямо в склоне холма, а вскоре открылась и сама главная штольня, черный глаз входа в которую темнел посреди скалистого гребня, пересекающего холмистую местность, словно хребет дракона.

Григорий Емельянович опять велел школярам построиться, а после в буквальном смысле брал каждого пацаненка и девчонку за руку и разводил по группам. Надо отдать ему должное, он хорошо знал, кто и что собой представляет. Поэтому в первую, ведущую группу включил самых отчаянных. В нее вошла и четверка неформальных лидеров моего, восьмого «Г» класса, и как ни странно – две девчонки. Остальные вошли во вторую группу, которая должна была следовать в середине.

Пацаны, которые не попали в авангард, оказались в арьергарде и были, соответственно, отданы под мое начало. Выстроив таким образом отряд, военрук с моей и Симочкиной

помощью, провел обвязку. В итоге вся команда оказалась «скована одной цепью». Эта процедура вызвала волну шуточек, разной степени остроумности. Убедившись, что, как выразился остряк Доронин, повязаны все, Петров передал нам с Серафимой Терентьевной по цепочке большие электрические фонари и объявил:

– Следуем по цепочке, вправо-влево не отклоняемся. Если я скажу – стоп, все останавливаются. Если кто-то начнет паниковать, разворачиваемся и топаем назад. Все, пошли!

И мы двинулись к штольне. Григорий Емельянович зажег фонарь и луч его скользнул в ее черное чрево. Веревка натянулась, но потом ослабла. Видимо, у кого-то из школяров не сразу хватило духу шагнуть под низкий каменный свод. Мне пришлось нагнуться при входе и не разгибаться все время, пока мы были в старой выработке. К счастью, пол оказался довольно ровным – я подсвечивал его фонарем, чтобы моя группа могла видеть, куда ступает. Я заметил две параллельные ржавые полосы – видимо это были рельсы, по которым когда-то выкатывали из выработки вагонетки.

Время от времени Петров командовал – стоп! – и все более-менее быстро останавливались. Скользя лучом по стенам, он рассказывал о том, как работали здесь, не покладая рук изможденные, оборванные, голодные каторжники. На стенах и впрямь виднелись следы от кирок, но девочек больше заинтересовали, похожие на бабочек насекомые, что висели, сложив бледные крылья, на потолке. В общем, экс-

курсия шла своим чередом. Заминка была только одна.

Когда мы проходили мимо вагонетки, что была сброшена с рельсов и валялась у правой стены штольни, веревка вдруг натянулась, потом дернулась несколько раз. Завизжали девчонки. Заматерились пацаны. Когда панику удалось прекратить, военрук сказал:

– Как я предупреждал, разворачиваемся и идем назад.

Синхронного разворота не получилось. И только после бестолковой суеты, хихиканья, возмущенных воплей и тычков, отряд развернулся и начал выбираться из штольни. Наконец, мы оказались на свежем воздухе. Казалось, что можно уже вздохнуть свободно, но вдруг одна из активисток крикнула:

– А Маша где?

Все начали оглядываться, спрашивая друг у друга:

– Ты Машку Киселеву не видел?

– И Доронина нету! – вдруг сказал Абрикосов. – Зимина и Кривцова. Они отвязались...

– ЧэПэ! – ахнула Серафима Терентьевна.

– Построились! – скомандовал я, опередив Григория Емельяновича, который только набирал воздуха в грудь.

Перепуганные школяры подчинились сразу. У Симочки оказался список. Провели переключку. Увы, четверо действительно отсутствовали. Три мальчика и одна девочка. Трое взрослых, которые лично отвечали за жизнь и здоровье детей, провели краткое совещание. Решили, что мы с Петро-

вым берем оставшуюся воду, продукты, которые не надо готовить, фонарики и веревку, и возвращаемся в штольню, искать пропавших. А старшая пионервожатая ведет остальную группу к железнодорожному разъезду, который находится в пяти километрах от бывшей шахты и вызывает помощь.

Мы дождались покуда Серафима Терентьевна уведет школяров подальше, разложили по рюкзакам все, что взяли у остальных и вернулись в штольню.

– Там есть два боковых штрека, – сказал мне Григорий Емельянович. – Обследовать их по очереди слишком долго, так что придется разделиться. Ты как, не сдрейфишь?

В другой ситуации за такой вопрос я бы запросто смазал по физию, но сейчас было не до выяснения, кто из нас круче. На кону стояли жизни четырех детишек и, что греха таить, наша с Петровым свобода. Поэтому я только спросил:

– Что будем делать с веревкой? Резать пополам.

Военрук покачал головой.

– Нет, с обвязкой пойдешь ты, – сказал он. – Я уже бывал здесь. Ты – нет... Помни, что нельзя кричать и обязательно смотри под ноги.

– Я понял.

Он помог мне с обвязкой, привязал ее конец к злополучной вагонетке, возле которой сорванцы обоего пола умудрились соскочить с «цепи» и сунул моток мне.

– Если найдешь ребят, ждите меня снаружи, – сказал Григорий Емельянович и скрылся в левом штреке.

## Глава 3

Боковой штрек оказался гораздо уже и ниже. По сути, в нем можно было пробираться только на четвереньках. Вот какого черта эта пацанва сюда полезла, да еще и в компании девчонки?! Золото искать?.. Блин, наслушались баек.

Самое паршивое, что передвигаться на четвереньках и одновременно освещать себе путь большим фонарем – то еще удовольствие. Пришлось выбрать такой способ. Я освещал ближайший отрезок пути, потом выключал фонарик и полз вслепую. Одновременно я прислушивался, надеясь услышать голоса подопечных.

Тишина, если не считать моего собственного дыхания. Может они не здесь, а в другом штреке? В том, куда полез военрук? Идея казалась так себе... Пока я тут ползаю, они там на свежем воздухе сидят, перекусывают. Я бы сейчас тоже не отказался перекусить, полдня уже прошло после завтрака. Однако я не дал воли воображению и не позволил желудочному соку ударить в голову. Штрек не может быть бесконечным, когда он закончится, с чистой совестью выберусь обратно.

О том как долго мне придется ползти я понятия не имел. Конечно, это было чистым безумием самим отправляться на поиски. Разумнее было бы сидеть месте и ждать спасателей, но стыдно двум здоровенным мужикам, более того –

учителям, трусливо дожидаться, покуда придут специально обученные и экипированные люди. Да и были ли они в это время? Подозреваю, что нет. МЧС еще не родился. Хорошо, что ни у меня, ни у Шурика нет клаустрофобии. Хорошо бы я сейчас себя чувствовал в этом каменном мешке, да еще периодически оставаясь в темноте. Впрочем, с клаустрофобией я бы сюда не полез.

Время от времени мне мерещились голоса. Приходилось останавливаться, прислушиваясь, но как только я замирал на месте, эхо, порождавшее слуховые галлюцинации, быстро затихало. Так я и полз в ритме – свет, тьма, шорохи, тишина. Я обратил внимание, что несмотря на узость подземного хода, воздух в нем был довольно свежим. На своем вспотевшем лице я время от времени ощущал дуновение ветерка. Это хорошо. Даже по моим, весьма небогатым сведениям, в шахтах нередко скапливаются смертельно опасные газы, которые могут еще и взрываться.

Не хватало еще сгинуть в цвете лет. Третьего шанса может и не представиться. Одна надежда, что высшие силы, переместившие мою грешную душу в молодое горячее тело, сделали это вовсе не для того, чтобы оно осталось гнить в этом каменном узилище. Так. Хватит о мрачном. Вперед. Никаких рассуждений. Тем более, что штрек вдруг расширился. Не веря своим ощущениям, я пошарил лучом фонаря по стенам и потолку, а потом осторожно попытался встать. Так и есть! Узилище стало гораздо просторнее.

Теперь можно было не ползти, а идти, правда – на полусогнутых, но все же лучше, чем на карачках. Дело пошло веселее. Теперь я мог не выключать фонарик, за что и был вознагражден. Луч высветил на полу какую-то тряпочку. Подняв ее, я увидел, что это носовой платок, причем – судя по цветочкам и рюшечкам – девичий. Платок был относительно чистым. Совершенно понятно, что обронили его совсем недавно. Скорее всего, он принадлежит Маше Кисилевой. Выходит, ребята шмыгнули именно в «мой» штрек!

Открытие придало мне сил. До сих пор я шел наугад, а теперь у меня появилась надежда отыскать беглецов и задать им трепку. Нет, трепку отложим до возвращения в город. Сейчас главное их отыскать живых и здоровых. Пройдя еще около трех десятков шагов, я понял, что опять слышу какие-то малопонятные звуки. Дабы убедиться в том, что это не эхо моих собственных шагов, я застыл на месте, стараясь даже не дышать. И на этот раз звуки не замерли, а продолжали шелестеть где-то в подземной глубине.

Увы, это не похоже на человеческие голоса. Скорее – на что-то природное. То ли осыпается что-то, то ли вода шумит. Не хочется, чтобы осыпалось. Я шагнул вперед, как вдруг что-то с силой рвануло меня назад. Еле на ногах устоял. Что-то держало меня сзади! Я испытал секундную панику и только в следующее мгновение осознал – веревка! Из-за необходимости ползти на четвереньках, я уже давно выпустил моток из рук и он постепенно разматывался поза-

ди меня. И вот теперь размотался полностью.

Выходит длина пути, проделанного мною во мраке и казавшегося бесконечным, составила все-то сотню метров! На поверхности я бы на такое расстояние даже внимания не обратил. С одной стороны это радовало: не так уж глубоко я проник в шахту, а с другой – ребят я пока что не нашел. И что дальше? Снять обвязку и идти без нее? А если впереди будет развилка? Заблудиться в подземелье мне тоже не хотелось, а выход какой? Возвращаться назад и ждать Петрова или спасателей? Показать им девичий платочек и развести руками?

А если за это время что-нибудь случится с ребятами, как я их родителям буду в глаза смотреть? В общем, я решил рискнуть. Снял обвязку, придавил конец веревки куском породы, что валялся у стенки, и прощупывая дорогу лучом фонарика, двинулся дальше. Я шел, считая шаги и внимательно осматривая стены, вдруг обнаружится еще одно ответвление? И моя смелость была вознаграждена. На третьей сотне шагов я услышал не только однообразный механический звук – я уже не сомневался, что это течет вода – но и живые человеческие голоса.

Сначала отдельных реплик я не различал, но потом услышал:

– Сокровища-сокровища... – бубнила, судя по тоненькому голоску, девчонка. – Дураки вы!

– А тебя кто звал? – отвечал ей явно пацан. – Сидела бы

со своей вожатой...

– Дурак! – последовал ответ, подкрепленный звонким шлепком.

– Ты чё руки распускаешь, соплячка?!

– А ну, тихо вы! – накинулся на них третий. – Идет кто-то!..

– Эй вы, искатели сокровищ, – окликнул их я. – Много золота нашли? Поделитесь?

– Ой, кто это?! – пискнула девчонка совсем рядом.

Я осветил фонарем. Стены, иссеченные кирками, блеск слюдяных чешуек и никого.

– Это я, преподаватель физкультуры, Александр Сергеевич Данилов, – откликнулся я.

– Сан Сергеич! – почти над ухом прозвучал голос, кажется – Кривцова. – Где вы? Мы вас не видим!

– Я – здесь! – ответил я. – А вы где?..

– И мы – тут! – глупо заржал, конечно же, Доронин.

– Заткнись ты! – сказал, видимо, Зимин.

– Сан Сергеич, мы вас не видим.

– Странно, я вас – тоже... – проговорил я. – Стойте на месте, никуда не уходите...

– Да стоим мы...

– Если я правильно понимаю ситуацию, – продолжал я, – мы находимся с вами в параллельных штреках... Слышать друг друга слышим, а видеть не видим...

– Мы заблудились, товарищ физрук, – захныкала Киселе-

ва.

– Ну ты, сопли подбери! – глумливо хихикнул «Чапаев».

– Прекратите ссориться! – потребовал я. – Как вы оказались там, где сейчас находитесь?

– Мы шли по штреку, – принялся объяснять Кривцов, как самый толковый из четверых. – Ну сначала пришлось согнуться в три погибели, а потом нормально стало... Услышали вода шумит, думаем, речка подземная, ну и пошли на звук...

– Вы куда-нибудь сворачивали?..

– Да... Там, где штрек расходится...

– И куда повернули? Направо? Налево?

– Направо, – убежденно ответил Кривцов.

– Налево, – возразил Зимин.

– Так – направо или налево?

– Мы пошли туда, откуда шум громче...

Да уж – ориентир...

– И что, нашли речку?

– Нет, мы все идем и идем, а она все шумит и шумит...

– Назад пробовали идти?..

– Да, но у нас батарейки в фонарике сели... Ничего не видно...

Я посветил в стену, из-за которой слышались голоса.

– Ой! – пискнула девчонка. – Лучик!

– Здесь щель, Сан Сергеич! – крикнул Кривцов.

– Тише, ребята! – проговорил я. – В штреках нельзя кри-

чать...

– Вы нас отсюда выведете?

Кто именно меня об этом спросил, я не разобрал, но почудилось, что все разом.

– Выведу! – пообещал я.

Сказать было легко. Гарантии, что я сам не потеряюсь, разыскивая их, не было. Нельзя было и вернуться, чтобы позвать Петрова на помощь. А если ребятня впадет в панику, начнет бестолково метаться и разбежится, кто куда, собирай их потом.

– Ждите и никуда не трогайтесь с места, – велел я. – Я скоро.

И я двинулся дальше. Кроме рассказа Кривцова, других ориентиров у меня не было. Я не шел даже, а крался, прислушиваясь к негромкому шуму текущей воды. Вскоре луч фонаря скользнул еще по одному темному лазу. Штрек действительно разветвлялся. Куда на самом деле свернули ребята? Направо или налево? Они сами не знают, а мне откуда знать?! Ладно. Я наострил уши, пытаюсь понять с какой стороны шум доносится громче?.. По идее их голоса раздавались справа и лучик они видели с правой стороны.

Так что логичнее всего повернуть направо, но когда я шагнул к правому ответвлению, то шум воды стал тише. Я сунулся влево. Прислушался. Слева вода шумела значительно громче. Надо было выбирать. С одной стороны – рассказ Кривцова, а с другой – логика. На что положиться?

И решил довериться Кривцову. Ведь в таких старых шахтах штреки порой переплетаются самым причудливым образом. Я повернул налево. Здесь шум, неведомо где текущей воды и впрямь был почти оглушительным, да и в воздухе ощущалась влага.

Мне пришло в голову, что вода шумит не просто так. Не исключено, что она постепенно заполняет заброшенную шахту. И неизвестно, как быстро затопит все ее пустоты. Тревога подзадорила меня, я едва не сорвался на бег. И правильно, что не сорвался, иначе бы расшиб тупую башку. Свод штрека резко снизился. Пригнуться я успел, но недостаточно низко, шарахнулся все-таки спиной и от души выmaterился. И в этом момент услышал возглас Киселевой:

– Ой, здесь кто-то есть!

– Свет! – выкрикнул Кривцов.

С облегчением выдохнув, я пробурчал:

– Тише вы... Давайте сюда...

Зашуршали подошвы и в луче фонаря показались чумазные физиономии. Ребяшня жмурилась от яркого света, но при этом – счастливо улыбалась. Когда пропавшие приблизились, я пересчитал их по головам. Слава богу, все четверо!

– Так, – сказал я. – Идите впереди. Не растягиваться, чтобы я видел ваши затылки. Пошли!

– Ой, мокро! – снова ойкнула Киселева.

Луч фонаря высветил на полу тонкую пленку воды. Мое опасение получило подтверждение.

– Без паники! – скомандовал я. – Продолжаем движение.

И мы гуськом двинулись назад. Через несколько шагов и я почувствовал, что мои кроссовки намокают. Вода прибывала быстро. Надо было спешить. Беда в том, что пол штрека, покрытый вековой пылью, стал скользким, а двигаться приходилось пусть с небольшим, но уклоном вверх. Когда мы вышли к месту разветвления, воды на полу было уже по щиколотку. Хорошо, что я догадался оставить на стене заметную царапину, иначе мы могли бы свернуть не в тот тоннель.

К счастью, вода уже прибывала не так быстро, видимо выровнялся уровень во всех затопленных штреках. И все же медлить нельзя. Горе-кладоискатели и так уже перепуганы. Каждый из них умудрился по паре раз поскользнуться и теперь все четверо напоминали мокрых цыплят. Когда мы дошли до места, где я оставил веревку, то первым ее увидела уже почти непрерывно ойкоющая пионерка. Ей почудилось, что на полу извивается змея. Веревка и в самом деле извивалась. Похоже, что кто-то дергал ее.

– Возьмитесь каждый за веревку и, перебирая руками, двигайтесь вдоль нее, – скомандовал я.

Мокрый, уставшие, испуганные – они подчинились беспрекословно. Школяры были ниже меня и для того, чтобы преодолеть отрезок штрека с низким потолком, им достаточно было лишь согнуться пополам. Мне пришлось ту же. Одно дело ползти на четвереньках по сухому тоннелю, другое – по покрытому жидкой грязью. Пришлось отдать фонарь

Зимину, замыкающему четверку беглецов. Прыгающий луч впереди стал для меня ориентиром в грязи.

Вдруг луч отдалился и пропал. Оказавшись в крошечной тьме, я лишь с большим трудом не заорал от страха. Сказалось напряжение, которое я испытывал с момента исчезновения этих шалопутов, по которым ремень плачет. Сцепив зубы, я пополз вперед, и вдруг кто-то вцепился в ворот моей олимпийки и потащил, словно щенка за шкуру. Пацанам бы на это силенок не хватило. Значит, они уже в штольне, а мой напарник по спасательной операции и недавний недруг, поспешил мне на помощь.

Боже, как же хорошо оказаться под открытым небом! Спустя несколько минут после того, как Григорий Емельянович помог мне выбраться из затопляемого тоннеля, я лежал на траве и с наслаждением смотрел на проплывающие облака. До меня доносились голоса, но я не слишком-то к ним прислушивался. Кажется, военрук заставлял горе-кладоискателей снять с себя все мокрое и грязное и переодеться в сухое и чистое. Киселева вопила, что стесняется, а пацаны хихикали. Им все было, как с гуся вода. Не дошло до них, что сгинуть могли.

Идея насчет переодевания мне понравилась, и я решил, что обязательно сделаю это, как только немного отдохну. Ко мне подошел Петров, присел на корточки, протянул фляжку.

– На вот, глотни, – сказал он. – Это коньяк.

Это было очень кстати. Я перевернулся на бок, приподнялся на локте, взял у него фляжку и сделал глоток. Спиртное побежало по пищеводу, одновременно согревая и возвращая бодрость. Я сел и снова приложился к горлышку, потом, с сожалением, вернул фляжку хозяину.

– Спасибо!

Он кивнул и тоже сделал глоток. Потом завернул пробку и спрятал сосуд с драгоценной влагой в карман штормовки.

– Больше нельзя, – проговорил Григорий Емельянович и спросил: – Как ты их нашел?

– Да в общем случайно! – отмахнулся я. – Услышал голоса... Они оказались в соседнем штреке... Шли на шум воды, надеялись найти подземную речку...

– А речка нашла их...

– Нас, – уточнил я.

– Прости, что именно тебе пришлось их вытаскивать...

– Это мой долг, – понимая, что диалог звучит уж слишком по киношному, я все же продолжил: – По крайней мере, трое из моего класса... И потом, ты же не мог знать, в какой из штреков они полезли...

– Это да... – кивнул Петров. – Хотя мой тоже оказался заковыристым... Местами шел под большим уклоном, а потом и вовсе перешел в вертикаль...

– И ты испугался, что они могли туда свалиться?..

Военрук хмыкнул.

– Я не испугался... – сказал он. – Я спустился до самого

низа... Хотя вру... испугался... Испугался, что внизу штрек опять переходит в горизонталь, и ребягня могла туда полезть... А там уже вода была, понимаешь?

– Понимаю... – кивнул я, вспомнив, как темная жижа медленно, но неумолимо заполняет штрек.

– Ты бы переоделся что-ли, – усмехнулся он. – Сухое есть?  
– Есть.

Перед тем, как войти в штреки, мы оставили рюкзаки возле вагонетки. Незачем лишнюю тяжесть тащить. А вот школяры свои тащили с собой. Правда, в отличие от меня, они все-таки меньше извозились в жидкой грязи, а уж поклажу и вовсе ухитрились сухой сохранить. Я переоделся, и мы все вместе устроили пикник. Школьники-шкодники поначалу посматривали на нас с Григорием Емельяновичем с опаской, страшась нахлобучки, но мы помалкивали. Их и без нас будут допрашивать и прорабатывать, так что пусть пока отдыхают.

Перекусив, мы тронулись в путь. К тому самому железнодорожному переезду, куда несколько часов назад военрук отправил Симочку со всей остальной командой. Мы спустились от штольни к проселочной дороге, которая проходила по распадку между холмами. День выдался солнечным, хотя и не безоблачным. Дул теплый ветер. Осень была только в самом начале. Даже странно представить, что в эту минуту старую шахту заполняет вода, видимо, прорвавшаяся из подземного водоносного слоя.

Издали послышался рокот мотора и вскоре из-за холма показался грузовик, в кузове которого было полно народу. Поравнявшись с нами, машина вдруг притормозила, открылась пассажирская дверца и над дорогу прыгнула... Серафима Терентьевна Егорова. Она бросилась к нам, распахнув руки, словно актриса в какой-нибудь пьесе.

– Гриша, Гриша, – раненной чайкой кричала она. – Живой!

## Глава 4

Выяснилось, что на железнодорожном переезде, когда туда подошли пионеры во главе со старшей пионервожатой, остановился автобус, который шел из ближайшего колхоза в город. Водитель согласился подбросить детишек до школы, откуда они могли спокойно разойтись по домам. Здесь же на переезде стояла машина с рабочими, которые узнав о пропавших в Каменном Логу ребятишках, вызвались помочь в поисках. И машина направилась к заброшенной шахте...

Хорошо, что хорошо кончается. Грузовик подбросил нас до ближайшей автобусной остановки и через час мы были в городе. Казалось, можно было считать эпизод исчерпанным – никто же не пострадал – но без последствий это история не могла остаться. Судя по унылому виду военрука, он это хорошо понимал. Ведь это была его инициатива совершить поход к Каменному Логу и устроить экскурсию по старой штольне. Уж кто-кто, а Шапокляк этого так не оставит. Петрова мне было жаль. Он оказался, вроде, неплохим мужиком.

Да и вообще, лично я вернулся из этого похода обновленным. Отношения с Серафимой Терентьевной можно было считать выясненными, да и с Григорием Емельяновичем, я надеюсь, тоже. Впрочем, сейчас мне было не до этого. Я вернулся в общагу и первым делом вымылся с головы до ног,

потом постирал всю изгвазданную в грязи одежду и обувь – тоже. Чистый и переодетый, я соорудил себе яичницу с докторской колбасой, заварил свежего чаю, вскрыл банку с килькой в томате, порезал головку лука. Поев, завалился спать и продрых до утра.

Утречком я бодрячком направился в школу. И сразу уловил, что в учительской царит мрачное настроение. Я подошел к трудовику и поинтересовался, что случилось? Оказалось, что когда вчера школяры, отправленные старшей пионервожатой на автобусе, вернулись в город и разошлись по домам, они тут же рассказали родителям о четырех пропавших ребятах. Испуганные и встревоженные предки немедленно начали звонить родным пропавших детей, те – в милицию. Милиция, естественно, подняла всех на уши. Еще и общественность привлекли.

Общественность не могла знать, что мне и военруку удалось вывести беглецов из шахты, и началась подготовка к поисково-спасательным работам, полагая, что в затопленной шахте остались не только четверо ребятешек, но и двое взрослых. Хорошо, что хоть не успели вызвать водолазов, потому что Петров позвонил в милицию сразу с железнодорожного переезда, а оттуда передали информацию о том, что с нами все в порядке. Однако, в любом случае, неприятностей было не избежать.

Я вроде не виноват, наоборот успел уже прослыть героем, но тем более мне не пристало отсиживаться в сторонке.

И узнав, что Егорова с Петровым находятся сейчас в кабинете директора и туда же шмыгнула Шапокляк, я решительно рванул дверь на себя. Меня там явно не ждали. Пал Палыч недоуменно воздел брови. Григорий Емельянович и Се-  
рафима Терентьевна тоже с удивлением на меня посмотрели, а Эвелина Ардалионовна обнажила клыки и выпустила когти, раздосадованная, что ей помешали безнаказанно рвать ее жертвы.

– В чем дело, Александр Сергеевич? – спросил директор. – Я вас, кажется, не вызывал.

– Походом руководили мы втроем, – сказал я, – и отвечать будем втроем.

– Мы не органы следствия, – пожал плечами Разуваев, – и меры можем принять чисто административные...

– Вот ко мне их и примените.

– Товарищ Данилов, – почти умоляюще произнес Пал Палыч. – К вам у нас нет вопросов... Вот Григорий Емельянович показывает, что вы вытащили ребят из затопленной шахты. Честь вам и хвала. Мы это обязательно отметим в приказе и на общем собрании школы, но...

– А я бы на вашем месте, Пал Палыч, не была столь благодушна, – все-таки сорвалась с цепи завучиха. – Имеет место чрезвычайное происшествие, которое могло закончиться трагически. За жизнь и здоровье ребят отвечало трое взрослых. И все они наши сотрудники. Директивные органы, само собой, будут интересоваться тем, как мы оцениваем поведение

наших сотрудников в данной ситуации, следовательно, мы должны обладать всеми необходимыми данными для объективной оценки.

– Эвелина Ардалионовна! – поморщился директор. – Ну какие директивные органы!.. Ничего же не произошло. Все живы, здоровы, и слава богу!

– Да! – взбеленилась Шапокляк. – А то, что пожарную часть зря подняли по тревоге – это, по-вашему, ничего не случилось?! Государственный бензин зря сожгли – это пустяки? Партия учит нас, что экономика должна быть экономной!.. А вы – ничего не случилось!

– Сейчас разговор не об этом, – с трудом сохраняя самообладание, проговорил Пал Палыч. – Александр Сергеевич, раз уж вы зашли, расскажите о происшествии со своей точки зрения.

– Готовясь к походу, мы с Григорием Емельяновичем решили сделать его более познавательным, – принялся вдохновенно врать я, хотя понятия не имел о намерениях военрука. – В качестве темы была избрана история родного края. И мы решили показать ребятам, в каких условиях трудящиеся работали при царизме. Товарищ Петров даже прочитал об этом лекцию. Перед тем, как мы вошли в штольню, все учащиеся и преподаватели были связаны между собой страховочной веревкой. Четверо – Киселева, Доронин, Зимин и Кривцов – сумели отвязаться и скрыться в боковом штреке. Когда мы обнаружили это, Григорий Емельянович

предложил увести остальных ребят в безопасное место, и мы поручили сделать это Серафиме Терентьевне. Сами же отправились на розыск пропавших. Благодаря тому, что товарищ военрук трезво оценил обстановку, ребят удалось найти довольно быстро. Товарищ старшая пионервожатая не знала об этом, но она приняла не только все необходимые меры, чтобы вернуть остальную часть участников похода домой, но и чтобы прийти нам на помощь. Я считаю, что в сложившихся обстоятельствах, Петров и Егорова действовали в высшей степени профессионально.

– Спасибо, Александр Сергеевич! Мы обязательно учтем вашу точку зрения. Вы можете быть свободны. Тем более, что у вас через пять минут занятие.

– Мы выйдем отсюда все втроем или останемся, пока вы не закончите ваше разбирательство.

– Вы слышите, что он говорит, Пал Палыч! – взвизгнула завуч. – Я полагаю, что пора вынести на совещание при директоре вопрос о поведении товарища Данилова! Давно пора!

– Вы свободны, товарищи! – сказал директор. – Спасибо вам!

Мы поднялись и покинули кабинет. Учительская опустела. Григорий Емельянович молча пожал мне руку и, взяв журнал, вышел. Симочка посмотрела на меня исподлобья, словно ждала от меня каких-то слов. А что я ей мог сказать? Что мне жалко Петрова? Жалко, если это у них серьезно...

Я тоже взял журнал и отправился на урок, так ничего ей и не сказав. А потом круговерть уроков затянула меня, и я, признаться, почти забыл и о ветреной Серафиме Терентьевне, и о злополучном походе. А после уроков мне захотелось вдруг увидеть... Илгу. Вот прямо до крика.

Я помнил ее адрес. И, выйдя на улицу, поймал частника. По дороге я попросил водилу пару раз остановиться. Купил торт в «Кулинарии». С тортом я поднялся к квартире, где однажды крепко спал, повернувшись спиной к удивительной девушке, так и не ощутив тепла ее тела. Нажал на кнопку звонка. Дверь открылась. На пороге квартиры стояла седенькая старушка в очочках, словно на картинке из детской книжке. Она даже смотрела поверх них, строгими, внимательными глазами.

– Добрый вечер! – сказал я. – Могу я видеть Илгу?

– Здравствуйте, молодой человек! – ответила она. – Илга – это я. Илга Артуровна.

Сказать, что я испытал шок, значит, ничего не сказать. Ситуация, как в дурацком кино. Илга, конечно, чародейка, но ведь не до такой же степени. Скорее всего – это какой-то розыгрыш. Или?.. Фиг знает, что и думать! Интересно девки пляшут... И старушка с ними...

Я протянул Илге Артуровне торт и сказал:

– Тогда это вам!

– От кого? – спросила старушка, принимая подношение.

– От поклонника.

Чтобы она не успела меня окликнуть, я поспешил вниз по ступеням. Выскочил из подъезда и пошел, куда глаза глядят. Ни одной стоящей мысли не было у меня в голове. Я не строил планов, не осмысливал своего положения, не предавался воспоминаниям. У меня было такое чувство, словно я, выведя школяров из шахты, сам остался в ней. Сверху – ни единого лучика, снизу подступает черная холодная вода. Она поднимается медленно, очень медленно, она будет подниматься всю мою жизнь, покуда не затопит штрек, в котором я застрял навеки.

Сам того не заметив, я подошел к дому, где познакомился с Илгой. Задрал голову, отыскал окно, замазанное мелом. Рядом проходила пожарная лестница. Это меня совсем не удивило. Так и должно быть. Потайная комната может стать ловушкой, если из нее нельзя выбраться. И мне пришла в голову сумасшедшая мысль. Я подошел к лестнице. Подпрыгнул, ухватился за нижнюю перекладину. Подтянулся, перецепился руками за следующую. Вскоре я был уже на уровне замазанного окна.

Стоя на перекладине, я перенес ногу на подоконник, крепко держась за лестницу, свободной рукой толкнул створку окна. Если бы оно было заперто на щеколду, пришлось бы спускаться, не солоно хлебавши, но створка поддавалась. Я перебрался на подоконник и спрыгнул внутрь комнаты. На улице уже темнело, и в комнате царил полумрак. Разумеется, Илги здесь не было, и быть не могло. Я нащупал ручку две-

ри, потянул на себя. Открылась. Прислушался. Было тихо.

Я перешел в маленькую комнату с тахтой. А из нее – в большую. Свет зажигать я не стал. Не потому, что боялся обнаружить свое присутствие, просто не хотел спугнуть то странное чувство, которое подтолкнуло меня забраться сюда. Так в темноте я прошел на кухню. Сюда проникал свет уличного фонаря и на круглом столе лежал отсвет, расчерченный крестообразной тенью оконного переплета. И в этом пятне света я разглядел прямоугольник конверта. Даже слабого освещения было достаточно, чтобы разобрать «СА-ШЕ».

Снова оказавшись на улице, я побежал к остановке. К ней как раз подходил автобус. Я спросил у пожилой женщины, что приготовилась к посадке:

– Скажите, пожалуйста, как мне доехать до Красногвардейской?

– Садитесь на этот, – охотно принялась объяснять старушка. – Через три остановки выйдете и сядьте на седьмой трамвай. ... Он идет до хлебокомбината и как раз проезжает через всю Красногвардейскую.

Поблагодарив, я помог ей забраться в салон автобуса и запрыгнул сам. Потом пересел на семерку и через пятнадцать минут уже был у себя в комнате. Я не спешил открывать конверт и читать письмо или записку, вложенную в него. Наверное, боялся разочарования. Илга знает, где я работаю. Если ей нужно было оставить мне послание, она вполне могла

передать его через Раечку, директорскую секретаршу, а еще проще – через Тигру, нашу общую знакомую. И если она избрала такой странный способ, значит, в нем есть некий смысл.

Единственное, что мне пришло в голову, что это своего рода проверка. Если я догадаюсь зайти на опустевшую вписку, значит, достоин прочитать ее послание. Нельзя было исключить, что и послание это лишь элемент розыгрыша, но ведь я мог и не заглядывать на квартиру, где тусовались «дети солнца». Меня влекли печаль и еще какое-то другое, не вполне осознаваемое чувство. Для примитивного розыгрыша слишком сложно. А может сжечь письмо, не читая? Не-ет. Потом гадать, что там было...

Эта мысль испугала меня настолько, что я забыл обо всех делах на вечер, которые были у меня намечены, открыл конверт, выхватил из него сложенный пополам листок и прочел, даже не присев. «Дорогой Саша! – ободряюще начиналось письмо. – По тому, как ты поспешно посадил меня в такси, я поняла, что мои слова все-таки задели тебя за живое. Меня совсем не радует, что я оказалась права. Душа человеческая – это всегда огромная тайна, а я с детства хотела ее разгадать. Тем не менее, я не хочу, чтобы ты чувствовал себя объектом наблюдения и экспериментов – даже моих. Поэтому я и устроила этот небольшой спектакль. Если я тебе нужна, несмотря на все мои странности, и зацикленность на психологии, ты придешь в мою квартиру, увидишь мою хозяйку,

она тебя обескуражит, и ты либо уйдешь навсегда, либо попытаешься найти мои следы в том месте, где мы с тобой познакомились. Если второе – то через несколько дней, после того как я не найду своего письма там, где я его положила, я сама отыщу тебя. Илга.»

Я несколько раз перечитал письмо. Противоречивые чувства захлестнули меня. Вот если бы я не поперся на вписку, а обиженный вернулся в общагу, то потерял бы эту невероятную девушку навсегда. Можно было не сомневаться, что Илга, поступи я иначе, сделала бы все, чтобы больше не встречаться со мною. А теперь она сама найдет меня. И в этом тоже нет никаких сомнений. И когда я все это осознал, меня захлестнуло такое ощущение внезапного прилива настроения, почти счастья, что я не знал, с кем им поделиться.

С Груней?.. Боюсь, здесь одним разговором не отделаешься... С Петюней?.. С ним придется пить, а завтра – на работу... С кем же тогда?.. Можно было бы потрепаться с Витьком, но у него нет телефона... И я понял – с кем можно поговорить, с Тигрой... Телефонный номер квартиры директора у меня был записан... А вот где взять сам аппарат?.. В общаге он был либо на вахте, либо в кабинете коменданта, но и в том, и в другом случае придется разговаривать под пристальным взглядом вахтера или той же Аграфены Юльевны... Ради короткого делового разговора – можно и потерпеть, а вот ради душевного...

Остается только один вариант. Я отыскал в кармане

несколько двухкопеечных монет, оделся и направился к телефону-автомату, что стоял недалеко от пельменной. Пришлось отстоять небольшую очередь, но я терпел. Когда подошла моя очередь, я вошел в кабинку, вставил монетку и набрал номер квартиры Разуваевых. Ответили быстро и, к счастью, это была Тигра.

– Привет! – сказал я. – Это Саша Данилов...

– А-а, привет! – откликнулась Антонина Павловна. – Как ты?..

– У меня все хорошо... А у тебя?..

– Не жалуясь...

– Как родители?..

– Ничего, правда, папа немного приболел...

– Что случилось?..

– Шапокляк вытянула из него все жилы из-за этой истории с шахтой...

Вот же старая сволочь.

– Я могу чем-нибудь помочь?..

– Вряд ли... Он, наверное, возьмет завтра бюллетень.

– Ну и правильно, пусть отдохнет, полечится...

– Если у тебя всё, то давай, до завтра!..

– До завтра! – буркнул я, и трубка запикала короткими гудками.

Я выбрался из будки. Желание делиться счастьем у меня пропало. В реальном мире для него всегда мало места. Надо было возвращаться в общежитие, соображать себе какой-ни-

будь ужин и ложиться спать. День и так вышел насыщенным. Однако, как говорится, судьба играет с человеком, даже если он не играет на трубе. И на сегодняшний вечер она еще не исчерпала своих сюрпризов. Не успел я сделать несколько шагов в направлении общаги, как меня окликнули. Я узнал голос и обернулся нехотя.

– Добрый вечер, Людмила Прокофьевна, – произнес я не слишком приветливым голосом.

– Здравствуй, Саша! – понуриив голову, пробормотала та. Все-таки, что ни говори, у Шурика Данилова доброе сердце и с этим я ничего не могу поделать. У преподавателя биологии был такой несчастный вид, что остаться совсем равнодушным я не мог. Нельзя сблизиться с женщиной даже на короткое время и потом разойтись в разные стороны, как ни в чем не бывало. Вернее – можно, если ты совсем уж равнодушная скотина. Именно такой скотиной я и был когда-то, теперь я это хорошо понимал, но даже не очень пока долгое пребывание в теле молодого физрука необратимо меняло прожженного циника Вована Данилова.

– Что-то случилось, Люся?

– Мне очень нужно с тобой поговорить...

– Ну давай, я тебя провожу, по пути и поговорим...

– Нет, мне нужно, чтобы ты поднялся ко мне...

## Глава 5

Я снова шел по улице Ленина, к дому учительницы биологии, но на этот раз никаких предвкушений у меня не было. Выслушаю Людмилу Прокофьевну, да и только. На что бы та ни рассчитывала. У меня теперь есть Илга. Хватит с меня походов. Хочу нормальных отношений. Удивительно, конечно... Непривычно так рассуждать для Данилова. Но я теперь не он, а он теперь не я. Не совсем «Я».

Такие вот благочестивые мысли вертелись у меня в голове, когда биологичка вела меня к себе. Можно сказать, почти под конвоем. Хорошо, что уже было темно, и нас разглядели только собаки.

Мы снова вошли в знакомый мне подъезд, поднялись к квартире двадцать пять. Хозяйка отворила дверь и едва не втокнула меня внутрь. Я снял ботинки, куртку, в ожидании дальнейших распоряжений. Людмила Прокофьевна тоже разделась и разулась. Все это происходило в полной тишине, лишь слышался стук каблуков, снимаемой обуви, да свист плащевой ткани. Мы вели себя точно старые супруги, вернувшиеся с прогулки, которым давно уже не о чем говорить, но уважение осталось. Однако, супругами мы не были. И лично я – и не собирался.

– Проходи на кухню, – проговорила Люся. – Сейчас чай будем пить.

Кухня у биологички была стандартная, такая же, как и в других квартирах, где я успел побывать. Сколько мне еще придется на них сживать? Впрочем, в СССР на таких кухонках решались все важные вопросы – от покупки мебельного гарнитура, до – мировой политики. Хозяйку квартиры мировая политика вряд ли интересовала, да и по вопросу мебельного гарнитура я ей не советчик. Скорее всего, речь пойдет о личном. Ну что ж, помогу, чем смогу.

Главное, чтобы на меня не зарилась больше. Не люблю я, когда женщина кидается из стороны в сторону и сразу не может определиться. Может, это и не слишком справедливо, но такой уж я. Кстати, в этом вопросе мы с Шуриком были друг с другом согласны. Во всяком случае, никакого протеста в душе я не ощущал. Двоедушие, как говорит Илга, но в данном случае, скорее, наоборот – полное единодушие. Пока я так мысленно каламбурил, биологичка вскипятила воду, заварила чай, достала из холодильника торт. «Ленинградский» между прочим! Это что – упрек или намек?

– Так что у тебя случилось? – спросил я.

Она нарезала торт, налила мне и себе чаю из мельхиорового сверкающего чайника, уселась напротив на табурет, и только тогда сказала:

– Ты мне скажи, Саша, только честно, что со мною не так?

– В каком смысле? – я чуть напрягся.

– Почему вы от меня шарахаетесь?

– Кто это – мы?

– Вы, мужики!

Я пожал плечами.

– За всех мужиков ответить не могу, а если ты о том, почему я тогда ушел, вместе с тортом... Я увидел, что ты ждала не меня... Ну и исправил ошибку...

– А – почему?.. Ты меня прости, Саша, но вотходишь ты... Видишь, баба почти голая, готовая на все... Кто мешал тебе сделать вид, что ничего ты не понял и воспользоваться?.. Думаешь, я стала бы отбиваться?.. Да ни в коем случае!.. Ты же мужик видный! Я же помню, какой ты...

– А может я испугался, что придет тот, кого ты ждала тогда... – попробовал я выкрутиться.

– Ты? Испугался!.. Не смейся... Думаешь, я не знаю, как ты военруку врезал?.. И правильно сделал!

– Так это ты военрука тогда ждала?..

Она уткнулась носом в чашку. Кивнула.

– Его...

– А он не пришел?

– Нет...

– Сочувствую...

Людмила Прокофьевна посмотрела на меня почти с ненавистью.

– Чего вы к этой вертихвостке, старшей пионервожатой прицепились? – спросила она. – Она же пустоголовая!.. Я ее знаю... Она у меня в десятом классе училась... Зубрила, старалась, но ничего не понимала... Так она больше – по ком-

сомольской линии выезжала... Неловко было ставить двойки активистке...

– Если это тебя утешит, – произнес я, – то у меня ничего с Серафимой Терентьевной не было и уже не будет...

– Ну конечно, она же та еще фифа... – скривилась биологичка. – Девочка-припевочка... Кто же ее тронет-то, несовершеннолетнюю... Вот и заманивает мужиков невинностью, дрянь...

– Уже совершеннолетняя, в четверг день рождения был.

– Это ничего, она еще этим своим «я не такая, я жду трамвая» долго будет мужиков за нос водить...

– Так ты меня посплетничать пригласила?..

– Нет... – покачала головой Людмила Прокофьевна. – Я надеялась, что не безразлична тебе...

– И потому в тот вечер ждала Григория Емельяныча?.. – спросил я. – Ты пойми, Люся, я не хочу быть жестоким, но как-то странно получается, ты вроде ко мне была расположена, а к военруку – не очень... Накануне в кинотеатре сама... проявила инициативу... И вдруг... Нет, я понимаю, что позвонил неожиданно, голос в трубке звучит по другому, чем в жизни, да ты никогда и не слышала моего голоса по телефону, но ведь ты меня и не ждала... Поэтому это я должен у тебя спросить, зачем я тебе был нужен?..

– Ну как, зачем? – усмехнулась она. – Я женщина свободная, считай, что одинокая. Не фифа, какая-нибудь... А почти серьезная. И ты, вроде как, обручальным кольцом не ско-

ван.

– Ну, вот все и разъяснилось! – сказал я. – Я был лишь мимолетным увлечением. Понимаю и потому не в обиде... Встретились на время, нам было хорошо, но отношения решились больше не продлевать... А что касается твоих отношений с Григорием Емельяновичем, извини, но в этом щекотливом вопросе я тебе не советчик. – Я поднялся. – Спасибо за чай! Очень вкусно. Ты, правда, красивая, Люся, тебе бы кого-нибудь посерьезнее найти...

– Да где ж такого взять? – вздохнула биологичка. – Работа – дом, дом – работа.

– На танцы сходи, – посоветовал я.

– Я подумаю, – улыбнулась училка, а я поднялся из-за стола и стал собираться.

«Граф» с достоинством удалился. Оставив графиню без своего «достоинства». В общагу я возвращался с легким сердцем. Еще один гештальт закрыт. Удачный день. Завтра у меня не было первого урока и можно было отоспаться, но не дали. Утром в дверь постучали. Я встал как есть, в семейниках и майке. Открыл. За дверью стояла Аграфена Юльевна и протягивала мне какую-то бумажку. Глаза у нее при этом были испуганные. Я взял бумажку, глянул мельком... Повестка... Явиться для дачи показаний 21 сентября 1980 года, по адресу улица Дзержинского 24, комната 12, в 17.00. Причем в повестке не указано, в качестве кого меня вызывают.

– За что тебя, Сашенька? – спросила Груня.

– Свидетелем вызывают, – отмахнулся я.

– А, ну дай бог... – вздохнула та. – Я тебе картошечку принесу жареной, с огурчиками и селедочкой.

– Буду благодарен.

Пока я умывался, чистил зубы, поспела и картошечка. Так что в школу я шел в прекрасном настроении. Повестка и в самом деле не слишком меня беспокоила. Вряд ли меня подозревают в сообщничестве с бандитом, что напал на ювелирный. Свидетели видели, как я его героически обезоружил. Старшина Покровский покажет, что пистолет я сдал не просто добровольно, а по собственной инициативе. Опять же – характеристики. Красный диплом. Бригадир стройотряда. И так далее. И вообще, все у меня было хорошо. Через несколько дней должна появиться Илга – чародейка и красавица. И тогда все будет еще лучше.

У входа в школу стоял грузовик, а рядом топтался сам товарищ Разуваев. Увидев меня, он обрадовался, замахал руками.

– Александр Сергеевич! Идите сюда!

Я подошел к нему, поздоровался за руку.

– Решили не брать больничный? – спросил я.

– А вы откуда знаете про больничный? – удивился Пал Палыч.

– Антонина Павловна говорила, что вы нездоровы.

– А-а! – отмахнулся директор, и тут же перешел к делу: –

ведь это вам привезли, – сказал он, тыча пальцем в брезент, которым был затянут кузов грузовика.

– Что это?

– Все, что необходимо для работы секции самбо... – ответил он и снова протянул мне ту самую ведомость, которую я отказался подписать. – На большой перемене организуйте старшеклассников на разгрузку. Проверьте все по описи и подпишите, что приняли.

– Подпишу, если только все совпадет.

– Разумеется!

На большой перемене я собрал пацанов из двух десятых классов, и они перетаскали груз в спортзал. Я вскрывал коробки и мешки, сверял с ведомостью, пересчитывал и ставил галочки. Самбовки... Шорты... Борцовки... Шлемы... Капы... Перчатки... Защита для голени и стоп... В расчете на пятнадцать человек... Количество совпало, и я подписал ведомость. Теперь возникла другая проблема, где это недешевое добро хранить? При спортзале была кладовка, где валялся разный спортивный инвентарь, но можно ли ей доверить столь ценную экипировку.

После большой перемены у меня был урок с моими оболтусами. В качестве разминки они перетаскали мешки и коробки в тренерскую. А на следующей перемене я заглянул в мастерские к Витьку. Обрисовал ему проблему, и он отправился со мною в тренерскую, дабы осмотреть все на месте. Я молча наблюдал за тем, как он бродит от окна к двери,

прикидывая, измеряя рулеткой, выстукивая и занося данные в свою потрепанную записную книжку. Наконец Виктор Сергеевич вынес свой вердикт:

– Дверь хлипкая, рамы – тоже, – начал он. – Придется менять дверную коробку, а на окно ставить решетку.

– Сможешь организовать?

– Смогу, – кивнул трудовик. – Однако потребуются расходы...

– Этот вопрос я утрясу, – сказал я. – Только надо побыстрее сделать!..

– Схожу звякну кое-куда...

А я отправился к директору. Раечка сказала, что у него Эвелина Ардалионовна, и я решил, что подожду. К счастью, ждать пришлось недолго. Вскоре завучиха выскочила из директорского кабинета, злая, как фурия. Чего-то они опять не поделили? Я вспомнил, что Витек говорил, будто бы Шапокляк безответно влюблена в Пал Палыча. Правда или нет? Все может быть... По крайней мере, это объясняет, почему она все время на взводе. Против супруги Разуваева, Глафиры Семеновны, у товарища Царевой не было никаких шансов.

– Пал Палыч, – сказал я, входя в кабинет. – Все проверил. Количество совпадает с указанным в ведомости.

– О чем это вы? – не понял директор. – Если о зарплате, так идите в бухгалтерию, получайте...

– За это спасибо! – сказал я. – Однако я об экипировке

для секции по самбо.

– Ах, вот вы о чем... Ну так замечательно!.. Подписали ведомость?

– Подписал, но пока не могу отдать ее.

– Это еще почему? – удивился Разуваев.

– А где все это хранить?! – осведомился я. – Дверь в кладовке не надежна... К тому же, ее часто приходится открывать...

– Что же вы предлагаете?

– Хранить в тренерской, при условии, если ее дверь и окно будут соответственно подготовлены... Я уже переговорил с Виктором Сергеевичем, он берется все организовать, но требуется финансирование...

– Какая сумма необходима?

– Пока не знаю... Виктор Сергеевич должен сообщить. Тут важна скорость.

– Понимаю, – кивнул Пал Палыч. – Пусть он зайдет ко мне, и мы все обсудим.

– Скажу ему! – я поднялся. – Спасибо, Пал Палыч!.. Передавайте привет супруге и дочери...

Я вышел из директорского кабинета, прошел в учительскую и наткнулся на Курбатова.

– Все в порядке! – заявил он. – Сейчас приедут, и мы все сделаем.

– И сколько это будет стоить?

– Два столыка – коробка, дверь, решетка... Ну и уста-

новка, конечно.

– Зайди к директору, он обещал... – откликнулся я. – И присмотри там, чтобы ничего не увели, ладно?!

– Конечно, о чем речь...

– С меня – коньячок!

Он как-то вяло кивнул. Я взглянул на циферблат своей «Славы». У меня оставалось время, чтобы заскочить за полочкой и доехать до прокуратуры. Положив хрустящие бумажки в карман – надо бы уже портмоне завести – я ощутил прилив хорошего настроения. Поймал такси, назвал адрес. Водила посмотрел на меня с уважением. Уж не знаю, за кого он меня принял. Предъявив повестку на проходной, я получил пропуск в кабинет номер 12. Постучал и вошел. Думал, что увижу следователя по особо важным делам Кравцова, но за столом сидел парень, может лет на пять старше меня.

– Данилов, – представился я.

– Проходите, – сказал он. – Следователь прокуратуры Киселев, Иван Борисович.

Я протянул ему пропуск и сел на жесткий стульчик. Интересно, почему разбоем прокуратура занимается? Это подследственность МВД вроде... Хотя может за подозреваемым целый шлейф преступлений похлеще тянется. Приняли его в ювелирном, а до этого он может и пришить кого успел.

– Вы знаете, почему мы вас пригласили? – осведомился он.

– Вероятно, по поводу того случая в «Ювелирном».

– Да, мы вызвали вас в качестве свидетеля... Расскажите... – Он взглянул в свои записи, – Александр Сергеевич о том, что произошло вечером семнадцатого сентября в магазине «Ювелирный» по адресу...

Он назвал адрес и время. И я начал излагать. Скрывать мне было нечего, поэтому я рассказал все, как было. Следователь скрупулезно записал мои показания. Судя по тому, что дополнительных вопросов у него ко мне не возникло, допрос был чистой формальностью. Подписав пропуск, Киселев поднялся и протянул мне руку. Я машинально пожал ее, а он задержал мою ладонь в своей, отнюдь не вялой руке, вдруг сказал:

– Не официально хочу поблагодарить вас, Александр Сергеевич, за свою сестренку.

– За сестренку?! – удивился я, и вдруг меня осенило: – А-а, вы о Маше Киселевой!

– Да, именно! Спасибо, что вытащили ее и других ребят из шахты.

– Не за что, – скромно произнес я. – Это же мои ученики.

И мы расстались друзьями. Не смотря на дружеское ко мне расположение следователя Киселева, я с радостью покинул стены столь солидного учреждения. Вот ведь и вины за собой не чувствуешь, а все равно поджилки трясутся! Надо было как-то эти поджилки успокоить. Как мне сейчас не хватало Илги. Даже возникла безумная мысль снова на-

вестить ее квартиру, но я отверг эту идею. Я понимал, что нельзя нарушать ею установленные правила. Так что – придется потерпеть.

Я решил вернуться в школу и лично проследить за установкой двери и решетки. А потом пригласить Витька в ресторан. Ну а что?! Могу я посидеть с приятным мне человеком и чуть-чуть выпить? Я подъехал к школе на трамвае и сразу же направился к тренерской. Работа была в самом разгаре. Курбатов руководил тремя мужиками. Один варил во дворе школы решетку, а двое меняли дверную коробку. Работали они на совесть, видимо, Разуваев сдержал свое слово и выделил средства. Я подошел к трудовику.

– Ну как, дела идут?

– Ага, – кивнул Витек. – Ты уже освободился?..

– Да, решил вот, что по завершению дела неплохо бы нам закатиться в ресторан... Ты как смотришь на эту идею?

– Положительно, – вздохнул он, – но...

– Что так печально?

– Ну так... я ж в завязке...

– А я тебе хотел еще коньяк подарить...

– Лучше деньгами...

– Как скажешь...

Идея посетить ресторан увядала на глазах. Пить в одно рыло я не хотел, а сбивать с толку завязавшего семьянина не слишком правильно.

– Слушай! – сказал Витек. – А ты как относишься к тому,

чтобы прокатиться по реке?..

– С детства мечтал, – искренне ответил я. – А на чем?

– Дружок у меня на буксире шкипером работает. Он, конечно, пассажиров не берет, но мне не откажет...

– А сейчас уже не поздно?..

– Нет, они вечером перегоняют пустую баржу под Затонь, а оттуда можно будет до города добраться на служебном автобусе.

– Ну я бы проветрился...

– Только придется тачку взять, чтобы до Речпорта доехать... Ну и пивка с закуской – тоже.

– Тогда вы тут заканчивайте, а я метнусь в гастроном...

В гастрономе было полно народу, но проблема заключалась не в этом. Пива в продаже не оказалось. Можно было купить водки или того же коньяку, но Виктор Сергеевич ведь не зря, наверное, сказал «пиво». И я решил снова воспользоваться волшебным паролем. Подойдя к первой свободной продавщице, я сказал, что желал бы видеть директора магазина.

– А ты кто такой? – не слишком приветливо осведомилась та.

– Не важно, кто я такой... – таинственно понизив голос произнес я, – важно – от кого я!

– А от кого ты... то есть – вы? – шепотом спросила она.

– Я – от Корнея Митрофаныча...

Пароль подействовал. Через пятнадцать минут я покинул

подсобку магазина, нагруженный несколькими плотно набитыми бумажными свертками. Хорошо, что почти сразу же я увидел зеленый глазок такси. Погрузив покупки, я разъяснил водиле схему предстоящего маршрута. Сначала мы заскочили в школу. Я принял работу и забрал ключи. Работяги погрузили сварочный аппарат и инструменты в кузов машины, на которой приехали, трудовик с ними рассчитался, и они уехали.

– Ну, поехали и мы, – сказал я Витьку.

Мы погрузились в такси и направились туда, где я еще никогда не был. Признаться, я даже не знал, что в Литейске существует речной порт. И когда я увидел огромные портовые краны, похожие на решетчатых жирафов, старая детская мечта пересечь на теплоходе всю страну с севера на юг, всколыхнулась в моей душе.

## Глава 6

Буксир-толкач «Лихой» пыхтел дизелями, толкая перед собой длинную пустую баржу. И на буксире, и на самой барже горели бортовые огни, чтобы связка хорошо была видна встречным судам. Экипаж был занят делом, а два пассажира бездельничали, поглядывая на проплывающие мимо берега. Удивительное ощущение. Я уже начал мечтать о том, что во время летнего отпуска – а он у учителей длинный – купить билеты первого класса на пассажирский теплоход и доплыть по Проньре до Волги, а уж по ней – до Каспийского моря. С попутчицей, конечно, отправиться в вояж. Например, с Илгой...

Витек задумчиво курил, стоя у борта. Какие чувства и мысли он испытывал, глядя на проплывающие мимо огоньки деревень – не знаю. Он вообще загадочный мужик. Вроде – алкаш, но когда что-то нужно сделать действует четко и быстро. Хочется надеяться, что он и в самом деле завязал. А то ведь – пропадет. Я не любитель лезть в чужие дела, но мне кажется, что от своей жены ему лучше лиять. При хорошей жене не пьют запоем. По себе знаю. В том смысле, что мне-то с женой в прошлой жизни тоже не повезло.

Капитан буксира, или как его именует трудовик – шкипер, Семен Иванович дал длинный гудок. Судно подводило

баржу к грузовому причалу, на котором возвышался гигантский экскаватор-перегрузатель, с раздвижным ковшом, похожим на челюсти инопланетного монстра из голливудского ужастика. Он вгрызался этими челюстями в груды чего-то хрусткого и сыпучего, набирал полный ковш и переносил набранное через борт баржи, поставленной под погрузку, и высыпал в нее.

Судя по гулкому грохоту, доносившемуся из ее трюма, погрузка была только начата. Видимо, всю ночь будут работать, нагружая одну баржу за другой. В том числе и ту, что притащил «Лихой». Он и впрямь лихо маневрировал, ставя ее в очередь на погрузку. Мне всегда нравилось смотреть, как работают люди, отлично знающие свое дело. И сейчас наблюдая, как рулевой, под чутким руководством шкипера, разворачивает многотонную махину, словно это бумажный кораблик, я хорошо понимал, почему в СССР так славили человека труда.

Стихли дизеля, буксир прижался бортами, вдоль которых висели автомобильные шины, обеспечивающие мягкое соприкосновение с бетонной стенкой, к пристани. Палубные матросы накинули на причальные кнехты толстые канаты и помогли судну крепко стать у причала. Перебросили на берег сходни. Мы с Витьком вместе с поклажей из магазина перебрались по ним, снова оказавшись на твердой почве. Теперь осталось только дожидаться, покуда сойдет на берег экипаж.

На берег сошли трое – капитан, судоводитель и судомеханик. Четвертого – палубного матроса оставили на вахте. Мы завалились в каютерку и там устроили посиделки. Семен Иванович Лежнев представил свой экипаж: рулевого Тимофея Сергеева и механика Спицына Владислава. Оба были молодыми ребятами, только после училища, но очень старались выглядеть бывалыми речниками. Моему угощению все трое обрадовались сдержанно. Дескать, все равно собирались ужинать.

Ну и как говорится, усидели мы с полдюжины пузырей пива, закусили полукопченой колбасой, помидорами, огурцами, похрустели солеными орешками. Потолковали за жизнь. Говорили в основном они, а я больше слушал. Рассказывали о своих делах, шутили, хотя большую часть их профессионального юмора я не понимал. В общем – неплохо провели вечерок. Я впервые вот так сживал с честными работягами и скажу, что с ними было гораздо веселее и проще, чем с «лучшими людьми города».

Собственно – это они, труженики реки и вообще – трудяги – были лучшими людьми города и всей страны. А все эти завбазы, директора СТО, магазинов и всяких там пельменных, и столовых, в большинстве своем просто хапуги, живущие за счет распределения дефицита, который во многом и создан их стараниями. Самое печальное, что перестройка, затеянная Горбачевым, который сейчас, наверняка, тихо сидит где-нибудь в ЦК и старательно голосует за каждое по-

становление, призвана была дать возможность всем в Союзе жить по-человечески, а не только элите, но кончилась развалом великой страны!

– Ну, нам пора! – сказал Виктор Сергеевич, взглянув на часы.

– Да, давайте! – кивнул шкипер. – Скоро автобус с вечерней смены народ в город повезет.

Я встал, пожал речникам мозолистые руки.

– Спасибо, мужики!

– Не за что! – сказал Спицын.

– Вы там брательника моего гоняйте, как сидорова козла! – пожелал Сергеев.

– А что, он в нашей школе учится? – удивился я.

– Ну да, в девятом «А», – ответил судоводитель. – Вадим Сергеев.

– Сильно лодырничает?

– По математике там, физике – хорошист, а вот по физре – отлынивает...

– Хорошо, я посмотрю, что у него по физкультуре.

На этом мы и разбежались. В автобус мы с Витьком заскочили в последний момент. Все места в стареньком «ПА-Зике» были заняты, пришлось ехать стоя. Автобус, подпрыгивая на ухабах, выехал с территории затона, миновал слабо освещенный поселок Затонье, выбрался на шоссе. Здесь он покатило бодрее. На остановке, рядом с указателем «Тенюково – 3 км» вышли две женщины, и мы с трудовиком заняли

освободившееся сиденье. Сидя можно было разговаривать.

– Ну как, понравилось тебе путешествие? – спросил Виктор.

– Еще бы! С детства не равнодушен к рекам.

– У вас же в Тюмени Тура протекает, кажется, – проявил осведомленность мой собеседник. – Приток Тобола...

Я кивнул, не желая развивать тему. О Тюмени я знал мало. Надо все-таки взять в библиотеке что-нибудь почитать о «родном» городе.

– А ты давно женат? – спросил я.

– На Фроське-то?.. – переспросил он. – Года три... Да мы... без росписи...

– Что-то она тебя в черном теле держит... В гости никого водить не велит... Алкашом называет...

– Да бабы они все... того...

– Любишь ты ее что ли.

– Ну как... люблю... Сошлись, вот и живем...

– А квартира чья? Твоя или ее?

– Моя... Она лимитчица с поселка...

– Так может ее – в шею?.. Хочешь, я тебя с хорошей бабой сведу?

Виктор Сергеевич пожал плечами.

– Жалко ее, – пробормотал он. – Куда она пойдет?

– Ну как хочешь...

В самом деле – чего я лезу в чужую жизнь? Со своей бы разобраться. Автобус въехал в черту города. Увидев знако-

мые здания, я попросил шофера остановиться. Пожал Витьку руку и вышел. Не торопясь, направился к общежитию. Надо было принять душ и ложиться спать. Однако день не исчерпал всех своих неожиданностей. Когда я подошел к подъезду, навстречу мне спустилась по ступенькам знакомая фигурка. Я обомлел. Честно говоря, не ожидал, что это произойдет так скоро и готовился к долгим томительным дням ожидания.

– Я не могла ждать, – сказала Илга, подходя ко мне вплотную. – Была сегодня на вписке, увидела, что конверта нет – только темный след на пыльной столешнице.

– Да, я сразу же пошел туда, когда увидел в твоей квартире старушку, которая назвала себя Илгой Артуровной.

– Прости меня за этот маленький сценический этюд.

– Мне тебя не за что прощать.

– Пойдем к тебе.

– Пойдем, только учти, у меня там свинарник...

– Уберу, – покорно произнесла она. – Я ведь женщина...

– Ты – девушка, – поправил я. – И я не хочу, чтобы ты превращалась в бабу!

Мы поднялись в вестибюль. Увидев незнакомку, вахтер дядя Вася открыл было хайло, но я ему ловко заткнул его смятым рублем. Вахтер почтительно закивал нам вслед. Так что мы беспрепятственно поднялись в мою комнату. Признаться, мне и впрямь было не по себе от того, что эта девушка увидит убогую обстановку моего обиталища. Хотя, о чем

я думаю! ИЛГА ПРИШЛА КО МНЕ! Словно не замечая моего счастливого осто́лбенения, она тут же принялась собирать мои, разбросанные по всей комнате шмотки. Затем заглянула в заварочный чайник и сунула мне его в руки.

Я отправился на кухню, вытряхивать спитую заварку и мыть чайник, а заодно – поставил кипятить воду, лихорадочно соображая, есть ли у меня что-нибудь к чаю? Когда я вернулся с двумя чайниками в руках – вымытым и полным кипятка, в первое мгновение мне почудилось, что я ошибся комнатой. До такой степени она стала чистой. А ведь я отсутствовал меньше десяти минут. Илга отняла у меня чайники, и сама заварила чай. Я залез в холодильник. Убогое зрелище.

– Не беспокойся, – сказала она. – На ночь глядя нельзя есть. Попьем чаю и спать.

Опять она мною командует, но, как и в первую нашу ночь, если ее, конечно, можно назвать «нашей ночью», я не против был немного подчиниться. Мы пили чай под песни группы «Воскресенье» и ни о чем не говорили. Да я и не мог вести сейчас, ни к чему не обязывающую, светскую беседу. Меня колотило, как юнца, у которого еще никогда не было женщины. Гостя же выглядела спокойной. Может, она опять мне прикажет лечь носом к стене и не шевелиться? И ведь лягу, как миленький и буду сопеть в две дырочки!

– Я хочу принять душ, – ровным голосом сказала она, словно речь шла о том, чтобы выпить еще чаю.

– Я покажу тебе, г-где... – чертыхнувшись, пробормо-

тал я.

– Не трудись, я уже знаю, где здесь и что, – ответила Илга. – Иначе, как бы я навела у тебя порядок?..

Это был упрек, но я его проглотил. Она открыла сумку, которую принесла с собой, вынула из нее стопку белья, халат, полотенце и пакет с какими-то бутылочками и коробочками – вероятно с умывальными принадлежностями – и вышла. А я заметался по комнате. Постельное белье сменили вчера. Можно считать его свежим. А я сам?! Хорошо, что в общежитии душ на каждом этаже. Я тоже взял смену белья и все, что положено и поскакал на третий этаж.

Когда я вернулся, Илги еще не было. Я торчал столбом посреди комнаты, не зная, что мне делать. Вот хоть и впрямь ложись зубами к стенке! Скрипнула дверь. Я обернулся. Моя радость, счастье мое, безумие – вернулась. В халатике, розовая от горячей воды. Обойдя меня, словно я и в самом деле стал столбом, подпирающим потолок, вынула из сумки ридикюль, села на стул, вынула гребень и принялась расчесывать чудные свои, совсем не эстонские, каштановые волосы. Этим олимпийским спокойствием она сводила меня с ума.

– Мне снова лечь к стенке? – не выдержал я.

– Как хочешь, – последовал ответ. – Это не имеет значения.

– А что имеет значение?! – почти выкрикнул я.

– Ну хотя бы то, что это у меня будет в первый раз...

Меня словно обухом по голове треснули. Вот те раз! Де-

вочка! И что мне с нею делать?! Нет, конечно же, я знал, что в таких случаях делает опытный мужчина. Нужно быть терпеливым, чутким и очень нежным, но... Ладно. Никаких – но. Предупредила и спасибо ей за это. Я выключил свет, чтобы Илге было проще, а потом... все было хорошо. Не стану врать, что я получил какое-то особенное удовольствие. Тут ведь как: либо собственное удовольствие, либо минимум стресса для партнерши.

А наутро она пропала. Я проснулся вовремя, но ни Илги, ни ее вещичек не обнаружил. Какой-либо записки, объясняющей ее исчезновение – тоже. И что я должен был подумать? Что она приходила вчера только для того, чтобы лишиться девственности?.. Что ж, вполне возможно, но ведь я не бык-производитель... Я человек, мужчина... У меня тоже есть чувства!.. Чувства?.. Твою мать, это сейчас я сказал?.. Но, как-то не привык, чтобы бабы меня использовали. Раньше было все наоборот.

В школу я отправился в растерянности. Или как говорили, вернее, будут говорить в моем времени – в полном раздразе. В учительской, едва поздоровавшись с коллегами, схватил журнал восьмого «Г» класса, с которым у меня было первое на сегодня занятие, и сразу удрал в тренерскую. Впрочем, урок я провел нормально. Не срывать же плохое настроение на пацанах! Тем более, что они старались на совесть. На перемене я почувствовал, что благодаря оболтусам, злость моя начинает потихоньку проходить. Я понял, что мне некого ви-

нить в своих неудачах с женщинами...

Хотя, казалось бы, смешно говорить о неудачах. Каждая норовит к себе в постель затащить. А ведь я еще выбираю!.. Всегда думал, что тот мужик неудачник, которому бабы отказывают, а выясняется, что может быть и наоборот. Не отказывают, но используют в своих целях и всерьез не относятся... Ну хорошо... Пусть... Тогда и я не должен себе ставить каких-либо моральных ограничений... В конце концов, любовь – это приятный самообман, а секс – физиологическая потребность, как... ну скажем... сон. Да?

Вот и будем отсыпаться по мере необходимости. Конечно, с Симочкой тема закрыта, она пусть играет в кошки-мышки с военруком. С Люсей – тоже. На попятную я не пойду. Есть еще химичка и комендантша... Вот они как раз самыми честными оказались... Эти перезрелые девушки с самого начала не скрывали, чего они от меня хотят... Так что если появится желание выпасться, думаю, они против не будут... На худой конец, есть еще Марина – дочь полковника госбезопасности...

– Сан Сергеич! – вывел меня из задумчивости детский голос.

Я оглянулся. Это был Кривцов – один из четырех моих «крестников».

– Слушаю тебя!

– Мама просит вас зайти к нам.

– Когда?

– Если можно – сегодня. После занятий.

– Хорошо!.. Только я не знаю, где вы живете?

– А я вас провожу.

– Ну и отлично... После последнего звонка у выхода.

– Хорошо! Спасибо, Сан Сергеич!

Все же какое-никакое развлечение на вечер. Может «хозяшка» Лизонька ужином накормит. После большой перемены у меня было «окно» и я не стал тратить времени даром, а сел писать программу занятий будущей секции. После уроков вышел на крылечко и стал ждать Кривцова. Он где-то задерживался. Зато подъехал Кеша на своей «копейке». Я про него уже и забыл. Увидел меня, заулыбался, рукой машет, подзывает. Я подошел. Он суетливо пожал мне пальцы, подскочил к багажнику, открыл его, вытащил большую коробку. Сунул мне в руки.

– Подержи!

– Что это? – спросил я.

– Призы! – ответил он, полез в салон, достал импортный свой портфельчик. – Помнишь, я тебе о них говорил?

– Ну... помню!

– Завтра соревнования... Ты их будешь вручать.

– Хорошо, но почему я их должен держать у себя?

– Я занят буду, не смогу подвезти, – сказал Стропилин. –

А за тобой заедут. Вот ты их сразу и захватишь.

– Ладно, запрю их в тренерской...

– Ну и отлично! – обрадовался комсомольский деятель

и вынул из портфеля бумагу. – Распишись в получении.

Я отдал ему довольно весомую коробку и взял листок. Это была расписка в получении четырех кубков.

– Открой коробку! – сказал я Кеше.

Он аккуратно поставил ее на капот, открыл. Все кубки были в наличии. Ладно, я поставил подпись под распиской и отдал их Стропилину. Тот мигом спрятал сей документ в портфель, и крикнул:

– Ну пока, увидимся!

Сделав мне ручкой, он сел в свой «Жигуль» и укатил. Я потащил коробку в тренерскую, лишний раз порадовавшись, что поставил вчера новые двери и решетку на окно. Когда я вернулся на крыльцо, там уже слонялся Кривцов.

– Ну пошли, – сказал я ему.

Мы сели с ним в трамвай, проехали пару остановок, а затем пошли пешком. Я думал о том, что надо не забыть договориться с матерью Кривцова, чтобы она разрешила посмотреть нам с ребятами фильмы на видеке. Хотя, вряд ли разрешит. Если она заведует элитным кабаком, то наверняка у нее там мебель, хрусталя, хоросанские ковры на полу. А тут мы припрямся целой ватагой неумытой. Натопчем, намусорим, еще, не дай бог, что-нибудь кокнем. Забавно, но я и сам не заметил, что уже перестал отделять себя от своих подопечных. А совсем недавно мне хотелось их всех прибить.

Кривцов подвел меня к обыкновенной пятиэтажке, каких

было много в Литейске. Мы вошли с ним в подъезд и поднялись на четвертый. Пацан позвонил, видимо для того, чтобы предупредить мать. И через минуту дверь действительно открылась. На пороге стояла кокетливо улыбающаяся Лизонька. На этот раз она была в домашнем ситцевом платье, с излишне смелым вырезом декольте. Интересно, она всегда так встречает гостей мужского пола? И что на этот счет думает ее муж?..

– Здравствуйте, Александр Сергеевич!

– Здравствуйте, Елизавета Ефимовна!

– Можно просто – Лиза!

– Тогда уж и вы зовите меня Сашей...

– Уговорили! Проходите!

И она отошла от двери, словно мы обменялись паролями.

## Глава 7

– Подождите меня в большой комнате, – сказала Кривцова. – Толик, проводи!

Ее сын повел меня по довольно длинному коридору, в который выходило минимум две двери, а впереди еще маячил вход в удобства. В большой комнате, куда вела двустворчатая дверь, мебель была добротной, из ореха или дуба, но явно не из ДСП. Толик предложил мне кресло, я с удовольствием в него сел, разглядывая картины на стенах и здоровенную хрустальную люстру с висюльками. В общем, как я и предполагал, жили Кривцовы зажиточно. Был в комнате и телевизор, но видака я не увидел. Прячут от посторонних глаз, наверное...

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.